

Петь гремящей Зевса славы:
Он любовь одну поет;
С нею в рощице живет.

(126—127)

Отказ от похвалы скрывается здесь под маской похвалы — это один из видов оды, который чаще встречается в несколько иной вариации: похвала под маской отказа от похвалы.³² Обычно это является только приемом, чтобы усилить впечатление от восхваляемых свойств предмета. Как правило, поэтическая похвала требует художественного дара. Здесь же неодаренность продемонстрирована. Рифмы бедны³³ и чрезвычайно конвенциональны (за что слегка критикуют поэтов-панегиристов). Если четвертый стих («зажигает») располагает даже двумя сразу перекликающимися концовками («сияет», «держат»), то третий стих («свет»), на первый взгляд, не имеет фонетического, рифмующего «напарника», но только соответствующее *графическое* окончание («[зажига-, сия-, дерза-]ет»). Через четыре строки, однако в самом конце строфы, все-таки следует словно опоздавшее, рифмующееся со «свет[ом]» окончание: «поет» (и «живет», по старому произношению). Да и у стихового окончания седьмой строки («славы») рифмующего стиха вроде бы не обнаруживается. Лишь в следующей (второй) строфе не только находится рифма к «злополучному» седьмому стиху предыдущей строфы в виде первой строки («державы»), но и у поэта неожиданно «проявляется» талант. В этой следующей строфе больше не говорится о собственной бесталанности, а, вопреки оговоркам предыдущей строфы, пишется традиционная похвала. Употребляется даже одическая строфа,³⁴ имеющая только один небольшой недостаток:

³² У Державина в «Благодарности Фелице» (1783), например, есть похвала Екатерине II в виде отсрочки похвалы: «Внемли... Но в чувствии безмерном / Мои безмолствуют уста. <...> / Когда небесный возгорится / В пиите огонь, он будет петь; / Когда от бремя дел случится / И мне свободный час иметь, — Я праздности оставлю узы, / Игры, беседы, суеты; / Тогда ко мне придут Музы, / И лирой возгласишься ты» (Державин Г. Р. Соч. Т. 1. С. 155—156). Случаи отказа от гражданственной тематики у Державина, например «Дар» (1797) или «К лире (1797), можно объяснить временным предпочтением «жанра любви» анакреонтической оды жанру торжественной оды в духе Пиндара.

³³ Что Карамзину не чужд именно этот сознательный прием поэтической самодисквалификации, свидетельствуют и его открыто пародийные «Стихи от де Мазюра к И. И. Дмитриеву» (не позднее 1794).

³⁴ Ср. подобный прием у сентименталиста первого поколения М. Н. Муравьева в его десятистишии под названием «Ода» (1775): «Восприял я лиру в длани / И хочу гласити песни, / Песни громки и высоки. / Но мои незвонки струны / Не хотят бряцати песни, / Песни громки и высоки, / А хотят гласить природу, / Обновившуюсь весною. / Я, покинув звуки громки, / Не для вас пою, потомки» (Муравьев М. Н. Стихотворения. Л., 1967. С. 122). Он, однако, после этого решения в соответствии со сказанным замалчивает — «ода» состоит из одной лишь строфы. Карамзину, очевидно, нужен был не только простой отказ от гражданственной тематики. Он хотел выразить одновременно и от-